

— Тогда вставай, пойдём вниз есть пельмени, — Ли Цзюньюй поднял Оу Хэна и, поддерживая одной рукой под попу, отнёс в ванную. Сначала он умыл Оу Хэна, а затем привёл себя в порядок.

— Моя тётя, дядя и двоюродный брат! Быстро скажи им, что я приехала! — Чжао Тин громко кричала в гостиной. Управляющий сохранял бесстрастное лицо, просто приказав подать гостям угощения, и не реагировал на слова Чжао Тин.

— Ты что, дерево, не умеешь говорить? — Чжао Тин посмотрела на лицо управляющего и немного струсила. В основном из-за того, что этот человек был так бесстрастен, словно видел насквозь её пустую браваду.

— Убери свои руки, я сама пойду скажу им, — Чжао Тин попыталась оттолкнуть управляющего и побежать наверх, но Лань Хань, Хэ Тянь и остальные, пришедшие с ней, двинулись следом.

— Мисс Чжао, подождите в гостиной, — управляющий преградил путь Чжао Тин, а остальные охранники приготовились к действию.

— Что за шум? Кто-то пришёл? С поздравлениями? — Оу Хэн, идя по коридору, услышал внизу шум и гам. Кто это мог быть? Они же в провинции Юнь, а не в городе А. Кто бы мог прийти?

Оу Хэн посмотрел на Ли Цзюньюя. Тот поднял бровь.

— Пойдём посмотрим.

Он не думал, что это гости с поздравлениями. Слишком шумно. Какие гостеприимные люди ведут себя в чужом доме как истерички?

— Двоюродный брат, ты наконец пришёл! Этот подонок всё время мне мешал, не давал увидеть тебя, тётю и дядю. Ты должен его... проучить.

— Заткнись.

Этот визг, похожий на куриный клохот, вызвал у Ли Цзюньюя боль в голове. Он холодно бросил это Чжао Тин, и та мгновенно замолчала.

— Двоюродный брат! — Чжао Тин остановилась и увидела рядом с Ли Цзюньюем Оу Хэна. Она снова заорала:

— Почему он здесь? Оу Хэн, убирайся вон! У тебя нет дома? Зачем ты засел в чужом доме на Новый год? Бесстыдник!

— Тин, не говори так. У господина Оу, наверное, есть свои причины, — Лань Хань «понимающе» удерживал Чжао Тин, мягко уговаривая её.

— Господин Оу, не принимайте близко к сердцу, Тин говорит прямо, у неё детский характер, дурного в ней ничего нет.

— Не видел я таких двадцатилетних детей. Если с головой проблемы — сиди дома и не пугай людей, — Оу Хэн не был рождён с добрым характером, он не собирался вежливо разговаривать с теми, кто к нему лезет.

— Что ты сказал? — Девушки больше всего ненавидят, когда трогают их возраст.

— Разве не так? В чужом доме веди себя приличнее. Если воспитания нет — не позорься, — Оу Хэн закончил и зло посмотрел на Ли Цзюньюя.

— Это всё из-за тебя, — голосок Оу Хэна был тихим, его слышали только они двое.

Тот взгляд, который Лань Хань бросил на Ли Цзюньюя, говорил о многом. Он выглядел так, будто Ли Цзюньюй его предал.

— Это дом моей тётки и двоюродного брата. А ты кто такой, чтобы жить в чужом доме и...

— Ли Цзюньюй, скажи ей, чей это дом? — Оу Хэн услышал слова Чжао Тин и в гневе стряхнул руку Ли Цзюньюя со своей талии.

— Ли Гань, раз Чжао Тин не умеет разговаривать, научи её хорошим манерам, — Ли Цзюньюй тоже нахмурился. Ему нравилось, когда его малыш ревнует, но он не терпел, когда о нём говорили плохо.

— Двоюродный брат, тётка не согласится! Отпустите меня! Если тётка узнает, она заставит вас пожалеть об этом! — Чжао Тин испугалась только тогда, когда её схватили охранники. Её уже подхватили под руки два крупных мужчины, и она повисла в воздухе.

— Двоюродный брат, он действительно ветреный! У тебя есть он, а он нашёл других! Не дай себя обмануть... Хэ Тянь, Хэ Тянь, быстро скажи, что ты видел! — Чжао Тин видела, что охранники не собираются её отпустить, и от страха у неё потекли слёзы и сопли.

— Господин Цзюньюй, я вчера видел, видел, как господин Оу с тремя другими людьми... Они, они вели себя очень развязно! Вы, вы не дайте себя обмануть, — Хэ Тянь смотрел на Ли Цзюньюя, и в ту секунду, когда их взгляды встретились, в его глазах читалось обожание. Такой утончённый, словно божество человек... Как Оу Хэн, этот ветреный тип, может быть достойным его?

Он заслуживал кого-то лучше. Настоящей искренности, его должны беречь.

— Что за шум? Что случилось? — Оу Хэ, потирая глаза, спустился с этажа. Он хотел спуститься позавтракать и снова лечь поспать, но стоило выйти из комнаты, как этот шум прогнал всякие мысли о сне.

— Брат, — Оу Хэн с обиженным видом подошёл к Оу Хэ. Кому бы понравилось, что только проснулся, а на твоего парня уже смотрят двое с таким обожанием? Смотрел, смотрел, и ещё чувствовал себя лишним, словно любовник. Грустно.

— Господин Цзюньюй, вам лучше во всём разобраться, не дайте мелким людям вас подставить... — Лань Хань смотрел на Ли Цзюньюя с видом, будто хотел излить душу, но из-за присутствия этого злодея Оу Хэна выглядел очень жалобно.

— А мне нравится, когда меня обнимают слева и справа. И что? Видишь, он и не против. А ты кто? Живёшь у моря? Суетишься не в своих делах? — Оу Хэн терпеть не мог таких. Он-то тут главный, ладно?

— Двоюродный брат, ты слышал! Он сам признался! Ты... — Чжао Тин услышала слова Оу Хэна и дрыгала ногами, пытаясь вырваться из рук охранников.

— Ли Гань, лично научи Чжао Тин, как нужно разговаривать. Пусть поймёт, что рот не для

того, чтобы болтать ерунду. Есть вещи, которые говорить нельзя.

— Есть, — Ли Гань ответил и повёл охранников, которые прямо потащили Чжао Тин прочь. Позади она всё ещё визжала, но это уже не помогало.

— Управляющий, проводите гостей. В следующий раз смотрите внимательнее, не пускайте всяких шавок, — Ли Цзюньюй даже не взглянул на Лань Ханя и Хэ Тяня, приказав выгнать их.

Когда Лань Хань и остальных выставили за дверь, они стояли перед запертыми воротами без выражения на лицах, но взгляд был глубоким и холодным. Хэ Тянь и остальные, глядя на них, почувствовали мороз по коже.

— О, это же шальные пчёлки Цзюньюя! Тьфу-тьфу-тьфу, вот растёт парень с таким лицом, привлекающим бабочек, ха-ха-ха-ха... — Оу Хэ посмотрел немного и всё понял. Видя, как его младший брат сидит там и дуется, а Ли Цзюньюй стоит рядом, не зная, что делать, он заливался смехом.

— Скажи сам, кто это? — Оу Хэн сел на главное место, закинул ногу на ногу и задрал голову, глядя на Ли Цзюньюя. Но через минуту у него затекла шея, и Ли Цзюньюй тут же наклонился, спрятался у ног Оу Хэна и спрятал две белые нежные ножки Оу Хэна в своих ладонях.

— Эм, малыш, о ком ты говоришь?

— Кто на тебя так смотрел с любовью, вот о ком я говорю, — Оу Хэн даже не взглянул на Ли Цзюньюя. Тот щекотал ему ступни, и Оу Хэн с трудом сдерживал смех.

— Эм, я правда не знаю, малыш, поверь мне, я вижу его впервые в жизни, — Ли Цзюньюй и правда не мог вспомнить, кто это такой. Он его видел?

— Он на тебя так смотрел, а ты говоришь — не видел. Только дурак поверит, — Оу Хэн надул щёки. Тот взгляд вызывал у него тошноту. Это был его Гого, его собственный, другие не имели права смотреть на него, хм!

И на других он тоже не имел права смотреть.

— Ли Гань, скажи, кто этот человек? — Ли Гань как раз вернулся с докладом, и Ли Цзюньюй спросил его.

— Лань Хань, внебрачный сын главы семьи Лань из города А, единственный сын, — мозг Ли Ганя работал на высокой скорости, и он понял, о ком спрашивает Ли Цзюньюй.

— Я его видел? — Ли Цзюньюй посмотрел на Ли Ганя. Это был вопрос из самой глубины души, вопрос со звёздочкой.

— Нет, сударь, не видели. Возможно, Лань Хань увидел вас случайно на каком-то банкете, а всё остальное, должно быть, рассказала мисс Чжао, — Ли Гань, конечно, этого не знал, но подбирать слова нужно было аккуратно.

— Малыш, я невиновен, — Ли Цзюньюй жалостливо посмотрел на Оу Хэна, с видом «ты меня несправедливо обвинил, мне так плохо».

— Хм! Это всё из-за тебя. Я голоден, — Извиняться не было никакой возможности. Если бы не ты, не было бы и всей этой истории.

— Ешь пельмени, малыш, садись как следует, — Ли Цзюньюй усадил Оу Хэна к себе на колени, руки его были не очень сдержанны и занимались своими делами. Ли Цзюньюй пострадал, так что Оу Хэн позволил ему делать всё, что он хочет.

<http://bllate.org/book/16768/1541284>